

УДК 323

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.124134

ПРОВИНЦИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО БЕЗВЛАСТИЯ (наброски русской культуры)

Скиперских Александр Владимирович,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
доктор политических наук, профессор,
Пермь, Россия,
E-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор, используя зарисовки русской культуры, рассуждает о том, как функционируют институты власти в провинции, и как они могут восприниматься обществом.

С точки зрения автора, давление власти значительно спадает по мере достижения пространства провинции. Власть остаётся прерогативой центра, где существует традиционно высокая концентрация институтов власти и политики в целом. Подобный режим функционирования власти характерен для имперской практики, традиционно воспринимавшей провинцию в качестве неравного партнёра.

Автор считает, что провинция в русской культуре может представляться как пространство безвластия, проявлениями которого может выступать отсутствие институтов и инфраструктуры, правовой нигилизм и анархичность. Проблема безвластия носит вневременной характер, в полной мере актуализируясь и в современной российской провинции, обделённой вниманием власти.

Ключевые понятия:

власть, государство, провинция, пространство, русская культура.

*Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в провинции, у моря.*

И. Бродский
«Письма к римскому другу»

*В деревушке у моря,
Где фокстрота не танцуют.*

И. Северянин

Политическое пространство всегда определённым образом структурировано. Если представить его сложным целым, то невозможно не принять во внимание, что сложное составляется малыми элементами, находящимися между собой в чёткой взаимосвязанности.

Элементы, составляющие политическое целое, представляют собой сочетание пар оппозиций. Отсюда, противопоставление отдельных частей показывает сложность политической организации.

Есть все основания для структурирования политического пространства на *правое* и на *левое*, что в свою очередь получает многочисленные разрешения в политическом дискурсе. В частности, деление на правое и левое в политическом пространстве актуализируется применительно к идеологическому спектру, идентификации политических партий, программ и т. д.

В политическом пространстве можно отыскать *высокое* и *низкое*, утверждающееся, по словам немецкого теоретика культуры А. Ассман, «насильственным путём» [2, с. 184]. Власть устанавливает «правила игры», политический стиль и моду практически во всех политических дискурсах.

Есть исследования, структурирующие политическое пространство на *тёплое* и *холодное*. Данные полюса носят, безусловно, субъективное измерение, но всё равно в них находится что-то общее, позволяющее сформировать температурный режим власти в целом. Так, в частности, официальное пространство изначально воспринимается как холодное – недоброжелательное, казённое и бездушное по отношению к человеку [13, с. 184].

Политическое пространство может структурироваться на *тесное* и *широкое* [16]. Двойственная природа власти, способной к метаморфозам расширения и сужения, безусловно, может отмечать себя в политическом дискурсе. Скажем, в условиях распространения на большое количество людей в ограниченном пространстве (крупные города) власть может сужаться, концентрируясь на узких темах и спецификациях, что, наоборот, невозможно себе представить на территориях с низкой плотностью населения, где представители власти бывают де-факто перегружены различными функциями и статусами.

Пространство обладает определённым звучанием, что позволяет приписывать ему определённую шумность. Отсюда, оно может быть *громким*, наполненным политическим многоголосием и идеологической пестротой, и, наоборот, *тихим* (*глухим*). В этом смысле политические страсти, кипящие в конкретном политическом локусе, могут уравниваться провинциальной тишиной и безмолвностью.

Вспомним, как у Саши Чёрного:

«Это было в провинции, в страшной *глуши*».

Или у И. Бунина:

«Ночь – долгая, хмурая, волчья,
Кругом все леса и снега».

Наконец, каждое политическое пространство имеет *центр* и *периферию* (провинцию). Политические свойства каждого из этих элементов, так или иначе, проявляются в политическом процессе.

В нашей работе на примере ряда сюжетов русской культуры мы рассмотрим, как конструируется власть в провинции, как она ощущается на одном из полюсов оппозиции *центр-провинция*. На наш взгляд, специфические характеристики провинции позволяют по-своему переживать феномен власти и особым образом воспринимать его.

Центр vs провинция: человек в фокусе власти

Нужно отметить, что власть всегда захватывает центр, из которого выработываются и диктуются политические решения. Инстанции власти наиболее очевидно заявляют о себе в столицах – именно там напряжение власти чувствуется с наибольшей интенсивностью. Человека, находящегося в центре, в столице, постоянно преследует государство. Волей-неволей он вынужден ощущать на себе его репрессивную массу. Именно в столице достигается наивысшая концентрация институтов власти и представителей правящего класса. Государство постоянно актуализирует себя через репрессивные генерации, функционируя не только фронтально, но и исподволь. При этом, как отмечает И. Исаев, «моменты открытой демонстрации власти по продолжительности значительно короче, чем ее скрытое существование и функционирование» [12, с. 546].

Что касается провинции, то в её политическом пространстве гораздо меньше заметен тот ажиотаж, который имеет место быть в центре. Здесь не кипят столичные страсти. В данном смысле провинция выступает спасительным, тихим местом, где можно переждать смутные времена. В провинции государство может несколько упустить человека из своего властного фокуса. Объективная дистанцированность от человека позволяет оставить его наедине со своими проблемами, маргинализируя его в поисках правды. Автор не говорит о том, что в провинции власть отсутствует. Давление власти лишь ослабевает, что создаёт ощущение ускользания из-под контроля. Тем самым, возможно, и создаётся ощущение определённой свободы. Человек в большей степени оказывается предоставленным самому себе, что существенно изменяет его мышление и порядок действий.

Подобное установление будет взято нами в качестве базового, и будет служить ориентиром в разбираемых нами кейсах, имеющих отношение к русской культуре.

Зачастую в информационном пространстве современной России могут появляться новости, рассказывающие о жизни людей в провинции, о преодолеваемых ими трудностях, бытовом дискомфорте, приспособлении к отсутствию инфраструктуры и т. д. То, что кажется странным и невообразимым для жителя мегаполиса, кажется вполне естественным для жителя провинции, узнающего в подобных новостях свои собственные проблемы. Жители отдалённого посёлка сами сделали дорогу, мост через реку, нашли способ добираться в районный центр на дрезине по заброшенной узкоколейной железной дороге или изобрели

новые формы солидаризации – безусловно, всё это говорит о жизнестойкости человека, о высокой силе сопротивления. Вместе с тем, это говорит и о том, что подобные активности реализованы в ситуации безвластия. Лишь минимальное давление власти порождает свободу действия, не отвлекая человека необходимостью решать согласовательные вопросы и вступать в неравный контакт с бюрократической машиной. Безусловно, если подобные инициативы связывались бы с необходимостью согласования и бюрократическими проверками, вряд ли можно было бы ожидать, что это положительно сказалось бы на итоговом результате.

Для провинциального дискурса может быть характерно, что люди будут в большей степени рассчитывать на себя и на свои собственные силы, нежели ждать поддержки различных инстанций власти.

Необходимость во взаимодействии с властью и политическими элитами в провинции не кажется людям жизненно необходимой. Тем самым, провинциальный быт является саморегулируемым и во многом анархичным. Нужно понимать, что и сама власть, маргинализируя индивида, выталкивая его на периферию, несколько снижает свою «хватку». Человек не может не чувствовать этого, что, в результате, приводит к его постепенному высвобождению. Связанные руки постепенно распутываются. В размышлениях студентов на данную тему последовал, на наш взгляд, достаточно точный пример, показывающий восприятие провинции как пространства безвластия. Одна студентка предположила, что оно раскрывается в отсутствии необходимости иметь водительские права.

Пространство провинции и жизненные циклы

Связь с пространством провинции определённым образом характеризует человека, разворачиваясь во всех его жизненных циклах. Жизнь человека с момента своего рождения и до смерти подчиняется конкретному пространству, наделённому политическими спецификациями, отмеченными нами выше. В рамках данного пространства человек сталкивается с самим собой, представлен самому себе, решая проблемы без поддержки властных инстанций и существующих институтов – специфических «правил игры», либо сознательно минуя их.

В пространстве заключена вся жизнь индивида. Жизненные циклы полностью замыкаются в рамках конкретного пространства. В провинции человек рождается, там проходит его детство, мифологизированное по мере времени. «Какой-то старик в белом шлафроке сидит за столом», – зарисовывает своё детство С. Аксаков в автобиографическом тексте «Детские годы Багрова-внука» [1, с. 17].

Первые шаги, связанные с получением образования, так же могут связываться с провинцией. Так, Егорушка в чеховской «Степи» несколько дней вынужден ехать до того места, где ему придётся учиться. За время путешествия он ни разу не сталкивается с политическими и государственными институтами, хотя поездка занимает несколько дней. Тем самым, провинциальная Россия показывается как пространство безвластия, где институты власти не работают, зато в любой момент может меняться погода. Власть природы оказывается

сильнее политической власти, а неуловимость институтов власти оказывается решающим фактором для различного рода мифологизаций и организации альтернативных институтов.

Говоря о провинции, как о пространстве, где сила власти чувствуется в меньшей степени, нужно понимать, что именно с этим обстоятельством могут связываться ключевые решения, принимаемые людьми. Эти решения могут иметь судьбоносный характер и быть определяющими в формировании жизненной стратегии. Провинция оказывается спасительным местом, где можно сохранить определённую свободу действия, сопротивляясь общественному вкусу и сформулированным в центре «правилам игры». Такова идея тайного венчания в «Метели» А. Пушкина. Именно поэтому русский философ В. Розанов тайно венчается в 1891 г. в провинциальном Ельце.

В провинции разворачивается жизнь человека, периодически чередуемая различными событиями, терпеливо и внимательно ожидающимися, что вырабатывает особое отношение ко времени. Вспомним «Анну Каренину» Л. Толстого и традиционные провинциальные заботы одного из героев – Константина Левина. Кажется, что в тот момент, когда он косит траву и охотится, давление институтов власти на него практически не ощущается. Различие провинциальных и столичных хронотопов в русской культуре отмечалось М. Бахтиным, противопоставлявшим особую усадебную среду, развёрнутую во времени в текстах Л. Толстого, столичной суете подпольных людей Ф. Достоевского, в рамках которой они вынуждены постоянно испытывать муки самоидентификации, регулярно унижаемые и третируемые инстанциями власти [3].

Отсутствие соответствующих инстанций власти заставляет человека настраивать быт в соответствии с собственными потребностями. И. Бунин вспоминает в «Окаянных днях» процесс доставки телеграмм, которым могли зарабатывать местные жители: «Представляется необозримое светлое поле, блестящая ухабистая дорога, промёрзлые розвальни, стучающие по ней, мелко бегущая бокастая лошаде́нка, вся обросшая изморозью, с крупными, серыми от изморози ресницами» [7, с. 31–31].

Лихой человек в поисках правды

Экзистенциальный характер бытия человека в России, так или иначе, осмысливается и самой властью, понимающей собственную тщетность контроля над человеком внутри всего огромного государственного организма. К. Победоносцев как-то признается Д. Мережковскому в 1903 г.: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [10, с. 230–231].

У человека в русской культуре довольно высокий деятельностный потенциал в случае необходимости – неожиданной встряски. Только данный потенциал находится в спящем состоянии. Сравнивая Россию с равниной, А. Блок как-то заметил: «Только всё на этой равнине ещё спит, а когда двинется, – всё, как есть, пойдёт: пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви, воплощённые Богородицы, пойдут с холмов, и озёра выйдут из берегов, и реки обратятся вспять: и пойдёт вся земля» [6, с. 356–357]. Нужно отметить, что скрытый

потенциал был по-своему верно использован большевиками, «подключавшим к своим проектам огромные массы людей» [15, с. 17].

Сюжеты, связывающие огромное ледяное пространство России и теряющегося в нём человека, периодически фигурируют в русской культуре в различных текстах. Действительно, ледяное пространство – небезопасно, потому как в русской культуре покрывает всяческих лихоимцев. Неразличимость провинциального пространства усугубляется отсутствием в нем институтов власти. Что-то подобное происходит в «Грабеже» Н. Лескова, когда метель делает неразличимым город и привычные сочетания улиц и домов, что создаёт условия для налётов на прохожих.

Как раз именно из метели проступают черты героя, образ которого прочитывается определённо неоднозначно. Так, именно в метель, уставший ротмистр Минский пристаёт к дому станционного смотрителя в одноимённой повести А. Пушкина, и впоследствии увозит от него родную дочь.

В тексте «Капитанской дочери» А. Пушкин показывает первую встречу Гринёва с Пугачёвым – она как раз происходит в снежной степи, в тот момент, когда из-за бурана было невозможно передвижение. В русской культуре представленность человека самому себе вдали от центров власти не кажется чем-то удивительным. Путешествие с риском для жизни становится делом судьбы маргиналов, либо вынужденной ситуацией, как в случае с предыдущим примером.

Пространство провинции структурировано таким образом, что у человека, оказывавшегося один на один с какой-либо проблемой, практически нет шансов достучаться до власти, потому как поиски справедливости оказываются очень дорогим, и вдобавок совершенно бесполезным занятием. В подобной практике много авантюрного, изначально проигрышного. Как справедливо отметит М. Бахтин, «приключения правды на земле происходят на больших дорогах, в лупанариях, и воровских притонах, в тавернах, на базарных площадях, в тюрьмах» [4, с. 171]. В то же время, человеку может казаться, что именно в таких активностях заключён смысл жизни. Так, решение проблем замыкается на человеке, на его волевых, деятельных качествах.

Глава Оренбургской области Ю. Берг вручил ключи от квартиры полицейскому Д. Максудову, ценою собственной жизни спасавшему людей во время снежного затора на трассе. Спасая людей, «полицейский отдал свой бушлат девушке, у которой промокла шуба, а рукавицы – мальчику, который не мог согреться. Данил Максудов получил обморожение рук» [9]. Данный пример показывает, что институты власти в российской провинции функционируют с сильным запозданием.

Конечно, у автора существует большое искушение взять к себе в союзники Ф. Фукуяму и квалифицировать подобные ситуации, как свойственные «слабому государству». Концептуализируя данный тип государства, Ф. Фукуяма не предполагал слабость самой государственной машины – наоборот, она может быть вполне авторитарной и устойчивой. Американский исследователь имел в виду только бессилие государства, а не его масштабы, означающее недостаток административного потенциала, адекватного нормальному функционированию системы. Отсюда, как на оренбургском примере, действия власти могут сводиться к чисто символическому представительству – одобрению (церемониальному

награждению) или осуждению. И в одном, и в другом случае превентивными являются задачи собственного позиционирования – создания позитивных эффектов от присутствия в публичном дискурсе.

Таким образом, на наш взгляд, определение специфики провинциального пространства в русской культуре будет предполагать раскрытие его определённой самодостаточности, предполагающей минимум контактов с государственной машиной. Конечно, провинция уступает центру – условной империи, испытывая некогда отмеченный Ч. Милошем «трепет малого перед большим» [11]. Но в этом «трепете» и можно увидеть некоторое общее установление. Наоборот, в рамках конкретной ситуации, провинциальные хронотопы выступают довольно самостоятельными единицами.

Пространство безвластия: взгляд путешественника из окна

Пространство безвластия разрезается дорогой. В русской культуре человек проводит в дороге достаточное количество времени, что позволяет использовать её как возможность отдохнуть физически и привести в порядок свои мысли.

Безвластие во многом означает бездорожье. Применительно к российской провинции подобная зависимость кажется вполне чёткой. Качество и эффективность власти во многом связываются с состоянием дорожной инфраструктуры. Состояние дорог в провинции традиционно оставляет желать лучшего. Зачастую, состояние дорог может меняться на границе субъектов РФ – более богатый субъект РФ так противопоставляет себя менее обеспеченному соседу.

В целом, в невнимании власти к проблемам провинциальной инфраструктуры изначально присутствует взгляд на провинцию, как на некое бесперспективное пространство. Ощущение бесперспективности усиливается по мере развития больших городов, трудовой миграции, разрушения традиционного уклада жизни.

В провинции большая власть принадлежит природе, не предполагающей вмешательства извне в свой привычный ритм. Так сложилось исторически, и культура всегда максимально образно «схватывала» природную власть, ставящую под сомнение реализацию человеческого замысла. Вспомним, как в «Метели» А. Пушкина: «едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дороги занесло» [14, с. 68].

Отсутствие дорог в политическом дискурсе зачастую оправдывается природными особенностями, нежели человеческим фактором и нормативными схемами (тендеры, договоры, сроки поставки, ответственность подрядчиков и т. д.).

Безусловно, власть находится под общественным давлением из-за проблем с дорогами, но, в целом, для неё бездорожье выступает проблемой, за которую сама власть может не нести ответственность. Борьба с бездорожьем, его преодоление в русской культуре превращается практически в нереализуемое предпринятие, потому как, по сути дела, означает «борьбу с природным временем» [18, с. 172], что само по себе превращается в бессмыслицу.

Пространство безвластия в российской провинции прекрасно раскрывается для внимательного путешественника из окна проезжающего автомобиля, либо

поезда. Проблемы инфраструктуры, заброшенность хозяйств и оставленность человека наедине со своими проблемами, в большинстве своём, не вызывают сомнений.

В ноябре 1910 г. во время тайного ухода Лев Толстой вынуждено ступил на перрон маленькой станции «Астапово», где и скончался в комнате, представленной важному гостю начальником станции. Дом начальника станции с его аскетичными комнатами – был самым адекватным местом, где можно было разместить великого писателя. Смерть Толстого порядком насторожила власть, ожидавшую народных волнений, для чего в Астапово были переброшены жандармы и полиция. Так в определённый момент времени власть отметила своим присутствием маленькую станцию. Сегодня станция «Астапово» переименована в честь писателя и носит его название «Лев Толстой». Отменённые сегодня электрички на некогда важной станции во многом усиливают ощущение безвластия и заброшенности. Но ещё нелепее – вложение ОАО РЖД в масштабную реконструкцию станции в 100-летнюю годовщину смерти Л. Толстого. На ж/д станции открыт музей, куда нельзя добраться по железной дороге.

Темнота железнодорожных станций, отменённые электрички, закрытые залы ожидания, брошенные дачи и перроны – всё это становится приметой сегодняшнего времени и стигматизирует провинциальную культуру. Из окна автомобиля могут открываться оставленные деревни с покосившимися домами, стенами бывших хозяйств и потерявшими смысл автобусными останками.

Английский политический философ И. Берлин вспоминал свою поездку в Перedelкино и встречу с молодой парой на перроне станции. Неустроенность станции, отсутствие освещения и укрытия от непогоды поразили его. «Втроём мы пытались укрыться от дождя, притулившись под единственным убежищем, которое нашли, – какими-то досками, нависшими над старым разваливающимся забором» [5, с. 451]. Огромное пространство вокруг, нескончаемые горизонты беспокоят человека в русской культуре, «предполагая сосредоточение в себе, группированию в максимально компактном пространстве» [17, с. 226].

Русская культура производится и в темноте, выступающей метафорой «тёмного» времени и общей неустроенности. Дорожные разговоры достаточно характерны для русской культуры. Но это в тот момент, когда везёт с попутчиками. Дорога в русской культуре располагает и к задумчивой мечтательности. Как правило, в русской культуре у путешественника всегда достаточно времени в дороге для того чтобы переосмыслить что-либо. Прошлое медленно утягивается за собой, утрачивая свои очертания с каждым мигом и сменяясь новыми картинками, принадлежащими уже фактической реальности.

Лирический герой в «Костре» И. Бунина едет ночью по степи и случайно натывается на горящий костёр, вокруг которого расположился на отдых цыганский табор. Из темноты на костёр выходит девушка. Потом герой переживает эту мимолётную встречу, её глаза, печально смотрящие из темноты: «И в запахе новых трав, и в одиноком звоне колокольчика, в звёздах и в небе было уже новое чувство – томящее, непонятное, говорящее о какой-то невознаградивой потере» [8, с. 384].

Пространство безвластия достаточно чётко отмечает себя в провинции, что не ускользает от внимания интеллектуалов, отражаясь в текстах, принад-

лежащих русской культуре. Ощущение безвластия в провинции, отсутствие необходимых институтов и инфраструктуры, на наш взгляд, является проблемой, носящей вневременной характер. Власть преимущественно сосредотачивается в центре, воспроизводя политические практики империи, используя провинцию как некий территориальный массив, увеличивающий общую государственную массу.

Отсюда, те же самые проблемы, с поправкой на реальность, сопровождают мир российской провинции и в настоящее время. В этой связи, специфический мир российской провинции продолжает воспроизводить практики, свидетельствующие об определённом отношении к власти.

1. Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. – М.: Детгиз, 1949. – 291 с.
2. Асман А. Новое недовольство материальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
3. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – СПб: Азбука-классика, 2017. – 461 с.
5. Берлин И. История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.
6. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963.
7. Бунин И. А. Окаянные дни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 335 с.
8. Бунин И. А. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1. – М.: Правда, 1988. – 478 с.
9. В Оренбуржье полицейский, спасший людей на орской трассе, получил квартиру // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2064510.html>.
10. Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания. – Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. – 398 с.
11. Горбаневская Н. Мой Милош. – М.: Новое издательство, 2012. – 440 с.
12. Исаев И. А. Política Hermetica: скрытые аспекты власти. – М.: Юристъ, 2003. – 575 с.
13. Нильсен Ф. С. Глаз бури. – СПб.: Алетейя, 2004. – 348 с.
14. Пушкин А. С. Собрание сочинений в X томах. Том V. – М.: Правда, 1981. – 446 с.
15. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Проблемы концептуального моделирования сущности большевизма: переход к парадигме мобильности (к 100-летию Великого Октября). // Дискурс-Пи. – 2017. – № 2 (27). – С. 12–22.
16. Скиперских А. В. Бунт как преодоление тесноты. Размышления о некоторых особенностях русской культуры // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Политология. Социология. – № 3 (5). – 2016. – С. 226–236.
17. Фукуяма Ф. Сильное государство. – М.: АСТ: АСТ, 2017. – 220 с.
18. Шифрин Б. Ф. «Бездорожье» как русский культурный феномен // Общественные науки и современность. – 2010. – № 1. – С. 172–176.

References

1. Aksakov S.T. Detskie gody Bagrova-vnuka. – M.: Detgiz, 1949. – 291 s.
2. Assman A. Novee nedovol'stvo material'noj kul'turoj. – M.: Novee literaturnoe obozrenie, 2016. – 232 s.
3. Baxtin M. Voprosy literatury i e'stetiki. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.
4. Baxtin M. Problemy poe'tiki Dostoevskogo. – SPb: Azbuka-klassika, 2017. – 461 s.
5. Berlin I. Istoriya svobody. Rossiya. – M.: Novee literaturnoe obozrenie, 2001. – 544 s.
6. Blok A.A. Sobranie sochinenij v 8 tomakh. T. 5. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury, 1963.
7. Bunin I.A. Okayannye dni. – M.: Molodaya gvardiya, 1991. – 335 s.
8. Bunin I.A. Sobranie sochinenij v chetyryox tomakh. T. 1. – M.: Pravda, 1988. – 478 s.
9. V Orenburzh'e policejskij, spasshij lyudej na orskoj trasse, poluchil kvartiru // [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://regnum.ru/news/2064510.html>.
10. Gippius Z. Dmitrij Merezhkovskij // Zhivye lica. Vospominaniya. – Tbilisi: Merani, 1991. T. 1. – 398 s.
11. Gorbanevskaya N. Moj Milosh. – M.: Novee izdatel'stvo, 2012. – 440 s.
12. Isaev I.A. Politica Hermetica: skrytye aspekty vlasti. – M.: Yurist", 2003. – 575 s.
13. Nil'sen F.S. Glaz buri. – SPb.: Aletejya, 2004. – 348 s.
14. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij v X tomakh. Tom V. – M.: Pravda, 1981. – 446 s.
15. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Problemy konceptual'nogo modelirovaniya sushhnosti bol'shevizma: perexod k paradigme mobil'nosti (k 100-letiyu Velikogo Oktyabrya). // Diskurs-Pi. – 2017. – № 2 (27). – S. 12–22.
16. Skiperskix A.V. Bunt kak preodolenie tesnoty. Razmyshleniya o nekotoryx osobennostyax russkoj kul'tury // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Politologiya. Sociologiya. – № 3 (5). – 2016. – S. 226–236.
17. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo. – M.: AST: AST, 2017. – 220 s.
18. Shifrin B.F. «Bezdorozh'e» kak russkij kul'turnyj fenomen // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. – 2010. – № 1. – S. 172–176.

UDC 323

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.124134

PROVINCE AS THE SPACE OF ANARCHY (Sketches of Russian Culture)

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich,

National Research University Higher School of Economics,
Doctor of Political Sciences,
Professor of Humanities Department,
Perm, Russia,
E-mail: pisatels@mail.ru

Annotation

In this article, the author, using sketches of Russian culture, discusses how the institutions of power function in the province, and how it can be perceived by the society.

From the point of view of the author, the pressure of the authorities drops significantly as the province reaches the space. Power remains the prerogative of the center, where there is a traditionally high concentration of institutions of power and politics in general. Such a regime of power functioning is typical for imperial practice, which traditionally perceived the province as an unequal partner.

The author believes that the province in Russian culture can be represented as a space of anarchy, manifestations of which can be the absence of institutions and infrastructure, legal nihilism and anarchy. The problem of anarchy is timeless, fully actualized in a modern Russian province, deprived of attention by the authorities.

Key concepts:

power, state, province, space, Russian culture.